

«ТРАГЕДИЯ ЧЕЛОВЕКА» И. МАДАЧА В ПЕРЕВОДЕ Л. МАРТЫНОВА

Н. С. САЛМА

В 1964 году исполнилось сто лет со дня смерти Имре Мадача. В год юбилея появился перевод «Трагедии человека»¹ на русский язык, выполненный известным поэтом и переводчиком Л. Мартыновым. Диапазон переводческой работы Мартынова очень обширен: от греков до Вийона, от Байрона до Тувима. Особенно много Л. Мартынов переводит с венгерского. Работа над переводами стихотворений Петефи, Ади, Аттилы Йожефа, Юхаса познакомила поэта с образами и идеалами венгерской поэзии, со строем и ритмикой венгерского стиха, что в определенной мере способствовало успешной работе над переводом трагедии.

Имя Имре Мадача стало известно русскому читателю еще в 90-х годах прошлого века. В «Русском обозрении» за 1893 год появилась статья И. М. Болдакова, занимавшегося угро-финским литературоведением, в которой автор дает биографию Мадача, свою трактовку «Трагедии человека» и выражает сожаление о том, что не существует ее перевода на русский язык. Спустя десять лет после указанной статьи появилось три перевода трагедии. Переводы увидели свет почти одновременно: они появились накануне первой русской революции, накануне великих и драматических событий, определяющих судьбу целого народа.

Переводы В. А. Мазуркевича и профессора Н. А. Холодковского — стихотворные. Третий перевод, Э. Крашенинниковой — прозаический. Он был выполнен по поручению А. М. Горького, слышавшего о трагедии Мадача и заинтересовавшегося ее идеей. Но литературная жизнь первых русских переводов оказалась недолговечной; они были забыты отчасти оттого, что сделаны они были более 60 лет тому назад, отчасти оттого, что качество их не было блестящим: перевод Холодковского, известного переводчика «Фауста», был сделан с немецкого текста, что касается Мазуркевича, его работа не представляет художественного интереса, и не исключена возможность, что и его перевод был сделан с немецкого перевода оригинала.

За годы, прошедшие с момента появления первых русских переводов, возникла новая, научно обоснованная теория художественного перевода, возникла новая школа советских переводчиков, одним из талантливых представителей которой является Л. Мартынов.

¹ *Имре Мадач. Трагедия человека. М., 1964.*

Обращение Мартынова к трагедии Мадача представляется нам не случайным. Для Мартынова-поэта характерен пристальный интерес к глубоким философским проблемам; высоко поэтическая по форме, его лирика полна раздумий над судьбой и назначением человека.

Перевод такого насыщенного философскими идеями произведения как «Трагедия человека» — грандиозный труд, требующий большой добросовестности от переводчика, стремящегося точно воспроизвести все оттенки глубоких поэтических замыслов автора. Но как бы добросовестен ни был переводчик, его личность обязательно проявится в переводе. Вопросов взаимоотношений и взаимовлияний личности автора и переводчика касается К. Чуковский в книге «Высокое искусство», посвященной проблемам художественного перевода. В чем же именно проявляется личность переводчика? Мы полагаем, что личность переводчика проявляется не только в своеобразии решений каждой сцены, каждого диалога, но, прежде всего, в том, как сумеет переводчик найти определенную общую тональность, объединяющую идею произведения.

Трагедия — произведение очень сложное. В венгерской критике в разные периоды мы встречаемся с самыми разноречивыми ее оценками. Такова, например, оценка трагедии известным венгерским поэтом начала XX. века М. Бабичем: «Поэма Мадача в основе пессимистическое и даже нигилистическое произведение.»² Негативную оценку дает трагедии и Георг Лукач, считающий, что Мадач испытывает отвращение к народу, к толпе. Известный венгерский литературовед Иштван Шегер в книге «Романтизм и реализм» в главе, посвященной творчеству Мадача, пишет: «Тема трагедии не давала Мадачу возможности развить тему конфликта „выдающейся личности“ и толпы... Но в драме «Моисей» этот конфликт получает разрешение, „великий человек“ и „жалкая толпа“ находят друг друга в величественной развязке, поэтическое выражение которой — смерть Моисея и возрождение народа.»³ И далее: «В трагедии мы должны видеть не только пессимистическое, проникнутое разочарованием и отчаянием произведение, мы должны прочесть в трагедии пафос упорного сопротивления пессимизму, разочарованию и отчаянию, вдохновляющий даже тогда, если аргументы этого сопротивления слабее, чем желание сопротивления»⁴. Именно так понял трагедию Мартынов и, воспроизводя ее во всей сложности, передал в переводе порыв страстной устремленности в будущее, веру в душевную красоту и благородство человека, в ценность жизни и борьбы. Эта сторона мировоззрения Мадача стала доминирующим мотивом перевода, его тональностью:

«... пускай! Еще сто раз я не достигну цели —

Не в этом дело! Что такое цель?

Цель — прекращение борьбы великой!

Цель — смерть. А жизнь — борьба. Цель человека —

Она!»

² Цитата приводится по книге: *Sötér István: Romantika és realizmus*. Budapest, 1956, стр. 280.

³ Там же, стр. 256.

⁴ Там же, стр. 293.

Ярко передал Мартынов в переводе общую гуманистическую тенденцию драмы: пройдя через горнила испытаний, заблуждаясь и отчаяваясь, Человек всегда будет находить верную дорогу, всегда величие и добродетель будут существовать на земле, и Люцифер — «дух отрицанья» «вечно будет видеть, как восходят красы и благородства семена», которые хотел он погубить. Величаво и торжественно звучат последние слова Господа, заключительный мощный аккорд финала трагедии: «Азм рек: о человек, борись и уповай!» (В книге А. А. Гершковича «Современный венгерский театр»⁵ приведена эта же фраза из трагедии, очевидно в переводе автора: «Я говорил, о человек: борись и верь!» Это подстрочник, еще раз подтверждающий ту мысль, что дословный перевод — это перевод самый неточный!) Что же придает этой строке в переводе Мартынова монументальность и поэзию? Глагольную форму «mondottam» Мартынов перевел формой старинного перфекта. Для передачи этимологической фигуры «bízva bízzál» переводчиком найден глагол «уповай». Глагол этот находится в полном соответствии с торжественной стилистикой всей фразы, а звук «а» в конце слова под ударением углубляет свойственное глаголу значение величия, устремленности, полета. В середине этой строки мы встречаемся с внутренней рифмой «рек — человек», придающей стиху гармонию и особую пластичность. Переводчик довольно часто прибегает к приему внутренних рифм, или звуковых повторов внутри строк:

«Замыслил так с времен извечных я;

Во мне таилось то, что воплотилось.»

Или:

«Склонись на грудь ко мне, зеленой ветвью

Я помашу и воздух охлаждаю.»

Этот прием имеет и определенное ритмообразующее значение с точки зрения сценической декламации:

«Зачем зияешь, бездна, предо мной?

Не мни, что ночь твоя меня пугает —

В ней только прах земной, а я тебя

Перешагну в сиянии ореола.»

Мартынов очень охотно прибегает к архаической фразеологии церковнославянского языка. Использование этого языкового слоя создает необходимый фон развертывающемуся действию пролога и финала: Люцифер соблазняет Адама вкусить от «древа познания», раздается «глас господен». «Ember, vigyázz!» Мартынов переводит: «Человече, бойся!» Звучат голоса ангелов:

Jaj neked, világ,
Az őс tagadás kísért

«О, горе тебе, мир!

Искус извечный.»

В комментариях к «Трагедии человека» Б. Александер писал: «Кто может сказать, что в «Фаусте» идея предшествовала форме? Они родились вместе; В форме «Фауста» живет идея. Гете никогда не выразил бы идею «Фауста» иначе. Мадач — художник другого типа. У него мысль ищет форму...»⁶ Что касается формы перевода, то здесь мы должны заметить, что число строк отдельных монологов перевода не всегда равно числу строк оригинала:

⁵ А. А. Гершкович: Современный венгерский театр. М., 1963. стр. 118.

⁶ Madách Imre: Az ember tragédiája. Budapest, 1919. стр. 230.

«Одна хвала меня коснуться может,
А не хула!»
«Но кроме своей сути,
Дать не могу я ничего иного.»

„Csak hódolat illet meg, nem
bírálát.”
„Nem adhatok mást, csak mi
lényegem”

В оригинале строки эти звучат гораздо более энергично и сжато, чем в переводе, но дать другой перевод этих строк было бы очень трудно, не причинив ущерба смыслу строк или грамматическому строю русского предложения. О виртуозности же поэтического мастерства Мартынова прескрасно свидетельствует перевод заключительной части лондонской сцены, где следует 11 рифмующихся афоризмов, переданных с безпречной верностью оригиналу:

«Фналки вы мои купили,
Цвесьть новым на моей могиле!»

Иногда у Мартынова мысль автора бывает несколько сужена. Приведем для примера слова Адама, обращенные к Еве, из второй сцены трагедии: *A füg-gés, látom, életelv neked.* «Я вижу, зависимость для тебя — принцип жизни.» Мартынов перевел: «Я вижу высшее твое стремление — опекуна высокого иметь.» В имеющемся контексте фраза «высокий опекун» воспринимается как «бог», тогда как мысль Мадача шире: зависимость — вот удел женщины и предел всех ее желаний. Во второй пражской сцене в переводе одного из монологов Адама отсутствует образ всадника, имеющийся в оригинале:

„Egykor nevetni fognak az egészen
Az államférfit, kit nagynak nevez-
tünk,
Az orthodoxot, akit bámulánk,
Komédiásnak nézi az utókor,
Ha a valódi nagyság lép helyébe,
Az egyszerű és a természetes
Mely ott ugrat csupán, ahol gödör
Ottan hagy utat, ahol nyílt a tér.”

«Нет! В будущем все это осмеют:
Политик, мнившийся нам великаном,
Подвижник веры, удивлявший нас,
Грядущему покажутся шутами,
Когда займут их место простота,
Величье подлинное, натуральность,
Чтоб люди прыгали лишь там, где яма
И пролагали путь лишь на простор.»

Но такие места, которые кажутся нам не совсем точными, — исключения, и нужно отметить, что в передаче философских мыслей трагедии Мартынов очень точно воспроизводит оригинал. Приведем в подтверждение то место трагедии, где Адам говорит Люциферу о невидимой паутине, связывающей его, о которой подозревает далеко не каждый: *«... csak néhány kivált/Magasb szellem sejt, még dacol veled.»* «И только несколько незаурядных/И более возвышенных умов/О ней подозревают.» Один из ранних комментаторов «Трагедии человека», Б. Александер, считает, что Мадач имеет здесь в виду человека в противовес животному, которое не может понять мнимости своей свободы. Он делает такой вывод на том основании, что поэт употребляет слово «kivált» вместо «kiváló», но такое объяснение кажется нам неверным. Мысль Мадача гораздо более тонка, и Мартынов был совершенно прав, переведя «несколько незаурядных и возвышенных умов» в противовес всему человечеству, а не человечество в противовес животным. Люцифер отвечает Адаму: *«S-csak is ez az, mi velem bir dacolni, Mert szellem, mint én.»* Лишь она/И может воставать против меня./Она ведь дух такой же. как и я.» «Венгерский язык не

знает родов, но Мартынов переводит именно «она», т. е. материя; философский смысл становится ясным.

Но и такая добросовестная работа над текстом, такая тонкая передача всех нюансов философских раздумий автора не принесла бы переводчику успеха, если бы он не сумел передать своеобразие стиля писателя. Мы уже писали выше об удачном использовании Мартыновым церковнославянского пласта языка. Общая романтическая тенденция «все ад, иль небо», пронизывающая творчество позднего романтика Мадача, проявляется и в стиле, то бурно — порывистом, то горько — скептическом, но всегда драматически напряженном:

«О ты, дитя балованное, тело,
Дающее и радость и печаль,
Ужель ты превратишься в горстку праха,
Когда частицы прочие твои —
Вода и воздух — нынче так румяны
И так жизнелюбивы, унесутся
С моим уничтоженьем в облака!
Я с каждым словом с каждым помышленьем
Расходую крупицу существа
Сгораю!»

Используя богатейшие средства русского языка, могучий слог и гибкий синтаксис, Мартынов великолепно передал внутреннюю напряженность и трагичность монолога. С таким же совершенством переданы Мартыновым и лирические мотивы трагедии (Ева — Дух Земли):

«Дух юности, поэзии, любви
Мне путь откроет в вечную отчизну,
Земное счастье лишь моя улыбка,
Слетевшая на чье-нибудь лицо!»

Большой удачей перевода мы считаем его отличное звучание на русском языке. Художественное воплощение в переводе произведений драматургического жанра ставит перед переводчиком сложные и своеобразные задачи, но, когда творчество поэта-переводчика по темпераменту, гуманистической тенденции близко творчеству переводимого автора, перевод всегда большая удача. Такова удача переводов «Фауста» Н. Холодковским и Б. Пастернаком, такой же большой удачей мы считаем и перевод «Трагедии человека» Леонидом Мартыновым.

